

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2010 г. К. И. ШНЕЙДЕР*

РАННИЙ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Русский либерализм является неотъемлемой частью интеллектуальной и политической истории России и в настоящее время имеет обширную историографию. Однако специалист без труда обнаружит в ней пробелы, к которым можно отнести в частности ранний этап развития отечественного либерализма. Исследование любого исторического явления, в том числе и интеллектуального феномена, заставляет ученого обращаться к проблеме его происхождения. Когда и как шел процесс формирования либеральной традиции в России? Каким был первый вариант русского либерализма? Ответы на поставленные вопросы, скорее всего, следует искать в истории российской общественной мысли середины XIX столетия. Вместе с тем существуют интересные гипотезы о его появлении в эпоху царствования Екатерины Великой или Александра I. Анализ основных исследовательских версий начального русского либерализма, как в российской, так и в западной историографии и является основной задачей данной статьи.

В отечественной историографической традиции можно выделить 2 этапа. Первый из них продолжался с середины 1950-х до начала 1990-х гг. Общим местом в работах специалистов стало признание середины 1850-х гг. временем формирования русского либерализма как «крупного общественного течения»¹. Уже в первых трудах, посвященных генезису либеральной традиции в России, акцентировалось внимание на том, что после воцарения императора Александра II в «обстановке общественного возбуждения» происходило дальнейшее оформление «идеологии русского либерализма и складывание его политической программы»². Был определен и персональный состав «либерального лагеря». Либералами 1850-х гг. называли не только К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, но и В.П. Боткина, А.В. Дружинина, П.В. Анненкова³. Одновременно в историографический оборот вводились различные факты, ставшие впоследствии общепризнанными среди специалистов. В частности, роль наиболее крупных центров либерального движения, формировавшегося в середине XIX в., закрепились за кружками А.В. Станкевича (Москва) и К.Д. Кавелина (Петербург)⁴. Важным событием в становлении русского либерализма принято считать появление рукописной литературы и ее публикацию в сборниках «Голоса из России» за границей, что обычно называют «первым открытым выступлением русских либералов»⁵. Главной особенностью развития либеральной мысли в России в середине XIX в., как отмечали советские исследователи, являлось соединение идеи свободы с «понятием о царской власти и законности»⁶. Они подчеркивали, что «в период революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х годов завершен был процесс идейного размежевания либерализма и демократизма, начавшийся еще в 40-х годах»⁷. Вместе с тем ранний либерализм традиционно рассматривался в качестве объекта для бескомпромиссной критики.

В последующие 2 десятилетия изучение начальной истории русского либерализма не прекращалось. Советские историки 1970–1980-х гг. впервые предприняли попытку системного анализа программных заявлений ранних русских либералов. Наиболее пер-

---

* Шнейдер Константин Ильич, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

спективным можно считать вывод о том, что либеральное движение, «объединившее сторонников буржуазно-реформистского переустройства России, не было однородным при этом как по своей классовой основе (дворянский и буржуазный либерализм), так и по идейно-политическому содержанию»⁸. Под «неоднородностью» известный советский историк В.А. Китаев имел в виду присутствие среди либералов не только западников, но и славянофилов, он также обратил внимание на различия в подходах к основополагающим общественным вопросам у ранних либералов. По мнению Китаева, в западничестве, «с одной стороны, шла дальнейшая разработка идей государственной школы с характерной для нее апологетикой абсолютистско-бюрократического государства, с другой – пробивало себе дорогу более оппозиционное по духу децентралистское начало. Утверждение второй тенденции в крупнейшем либеральном органе “Русском вестнике” определило его проанглийскую ориентацию»⁹. Таким образом, дискуссии в самом «Русском вестнике», а также между ним и другим либеральным изданием середины XIX в. «Атенеум» о роли государства и по вопросу об общине, скорее всего, отражали начавшийся процесс дифференциации в среде либеральных мыслителей. Распространение идей о доминирующей роли государства в историческом процессе, о полезности сохранения общинного миропорядка в деревне свидетельствовали о вариативном характере раннего русского либерализма. Эти различия Китаев объяснял сосуществованием в середине XIX в. «дворянского» и «буржуазного» либерализма. В частности, несовпадение взглядов на государство и административную централизацию между участниками дискуссии в журнале «Атеней» он относил к разряду «свидетельств внутренней дифференциации либерального движения» и считал, что за этими расхождениями «нельзя не увидеть отличий теоретических позиций одного из оттенков дворянского и буржуазного течений либеральной мысли»¹⁰. В итоге, по мнению автора, русский либерализм 1850-х – начала 1860-х гг. представлял собой сложносоставное явление, в рамках которого определились разные векторы развития либеральной мысли.

В 1970-х гг. в отечественной историографии утвердилась версия, объяснявшая наличие очевидных концептуальных особенностей раннего русского либерализма преобладанием «среди его носителей и сторонников дворян-землевладельцев, а также тесно связанных с ними представителей дворянско-помещичьей интеллигенции»¹¹. Поэтому для советских историков не было ничего удивительного в том, что между либерализмом и конституционализмом существовал разрыв, особенно на первом этапе, когда либералы отрекались от конституционализма, отвергали любые проявления радикализма и пытались соединить самодержавный режим со свободой¹². Все эти отличия русского либерализма от классического западноевропейского рассматривались в контексте политической истории России рубежа 1850-х и 1860-х гг.

В целом, в советской историографии не подвергалось сомнению не только существование русского либерализма в середине 1850-х гг., но и наличие либеральной концепции, в которой присутствовала утопическая идея «соединения самодержавия со свободой»¹³. Специалисты отмечали динамичное развитие отечественного либерализма в середине XIX в., особенно с 1858 г., когда в нем обнаружились «различные оттенки и течения»¹⁴. Активно поддерживался интерес к изучению теоретического наследия отдельных либеральных мыслителей в рамках биографического жанра¹⁵. Следует отметить, что ранний русский либерализм в исследованиях советских историков зачастую обозначался такими малосодержательными ярлыками, как «дворянский», «помещичий», «буржуазный», «западнический». И все же этот период в отечественной историографии способствовал формированию представлений о раннем либерализме как о самостоятельном интеллектуальном феномене в русской общественной мысли, который характеризовался неоднородностью и немалым количеством концептуальных особенностей.

В 1990-х гг. начался современный этап в изучении раннего русского либерализма. Этот период можно смело назвать «либеральной волной» в российской историографии, пик которой пришелся на середину – вторую половину десятилетия. Ситуация

изменилась в связи с появлением большого количества публикаций, посвященных либеральной традиции в России и новых вариантов ее интерпретации. Одной из центральных проблем оказалась начальная история либерализма, В очередной раз внимание профессионалов привлекли труды Грановского, Кавелина, Чичерина, Боткина, Анненкова. Постепенно складывалась новая исследовательская парадигма, и в первую очередь это относится к термину «ранний либерализм», который получил распространение благодаря работам Р.А. Арсланова¹⁶, Н.Г. Габидулиной¹⁷ и В.И. Приленского¹⁸. В 1995 г. Приленский попытался определить главные особенности раннего либерализма в России. К ним он отнес «отсутствие у либеральной мысли прочной социальной поддержки в обществе, ее антидемократический характер, принцип монархизма, сильное и ярко выраженное консервативное начало и отсутствие в первоначальный период гражданских свобод в российском обществе»¹⁹. Вместе с тем распространенными оставались попытки идентифицировать ранний русский либерализм с западничеством. В частности, они прослеживаются в работах Д.И. Олейникова: «Время появления западничества в общественном движении стало в либеральной традиции начальной точкой летоисчисления деятельного русского либерализма, временем рождения русской интеллигенции как особого общественного слоя»²⁰. Однако деятельность либерально-го крыла западников в 1840-х гг. не совпадала по времени с появлением раннелиберальной концепции.

Дискуссия о либерализме приобрела целенаправленный и достаточно острый характер в связи с выходом в свет в 1996 г. сборника «Либерализм в России»²¹. Попытки философского осмысления истории русского либерализма позволили обнаружить любопытную картину. Среди исследователей не было согласия в понимании содержательной основы либеральной концепции, порой диаметрально противоположными оказывались подходы к периодизации истории отечественного либерализма, различными оставались и представления о персональном составе «либерального семейства». Ярким примером может служить полемика, развернувшаяся вокруг «дворянского» либерализма. Так, Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, настаивали на том, что «дворянский» либерализм «более полно выразил дух классического русского либерализма», и даже именно «в его парадигме осуществлялось наиболее плодотворное развитие либеральной доктрины». К отцам-основателям либеральной традиции они относили Кавелина и Чичерина, а появление либеральной идеологии считали «своеобразной рефлексией по поводу западничества и “приживления”! его на российской почве». Наконец, концептуальное содержание «дворянского» либерализма связывали с идеями свободы и ценности человека, а также критическим отношением к власти и взглядом на право как на гарант свободы²².

С другой стороны, один из редакторов сборника профессор В.Ф. Пустарнаков последовательно отвергал аутентичность «дворянского» либерализма и утверждал, что, несмотря на свое влияние, он «ненастоящий, нетипичный, неадекватный»²³. «Это наиболее близкая к настоящему либерализму форма, разновидность паралиберализма. Причем внутри дворянского либерализма разные индивидуальные его разновидности находятся на разном расстоянии от настоящего либерализма»²⁴, – доказывал Пустарнаков. Он предложил рассматривать эволюцию отечественного либерализма сквозь призму европейской модели и акцентировал внимание на том, что русская либеральная традиция появилась позже по сравнению с Европой, а значит, с самого начала приняла постклассическую форму и включила в себя этатизм. Основной недостаток в мировоззрении либералов круга Грановского, Кавелина, Чичерина, по мнению автора, заключался в сосуществовании экономического либерализма и политического консерватизма. Под классическим же русским либерализмом XIX в. он понимал «вышедший за рамки дворянского либерализм “Санкт-Петербургских ведомостей” (1863–1874) В.Ф. Корша, “Вестника Европы” М.М. Стасюлевича и “Русской мысли” В.А. Гольцева»²⁵. Пустарнаков относил последних к представителям «буржуазного» либерализма, также интенсивно формировавшегося на рубеже 1850-х и 1860-х гг., но в отличие от «дворянского», стремившегося к синтезу экономического и политического либерализ-

ма. Таким образом, полемика на страницах сборника в значительной степени разрушила советскую парадигму либерализма, но по некоторым сюжетам генетическая связь с предшествующим периодом сохранилась. В частности, это можно проиллюстрировать на примере идеи о «дворянской» и «буржуазной» составляющих русского либерализма середины XIX в.

Местом и временем новой дискуссии стала международная научная конференция «Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы», которая состоялась в 1998 г.²⁶ Наиболее спорной оказалась тема философии русского либерализма. Предлагались диаметрально противоположные варианты решения этого вопроса, от обсуждения особенностей историософии отечественного либерализма до резкого неприятия самого термина «философия русского либерализма». Профессор Пустарнаков в очередной раз вынес за рамки «настоящей» либеральной традиции мыслителей круга Кавелина и Чичерина²⁷. Дискуссия продолжилась в мае 2000 г. на конференции в Ростов-на-Дону. Внимание специалистов снова привлек дискуссионный доклад профессора Пустарнакова. Автор последовательно отстаивал точку зрения, согласно которой «дворянские» либеральные мыслители оказались пионерами либерального консерватизма в России. При этом ранняя стадия развития либерального консерватизма связывалась с именами Боткина, Анненкова и Грановского, а завершающая – с мировоззрением Кавелина и Чичерина. По мнению Пустарнакова, с аутентичным либерализмом «их связывают, прежде всего, общефилософские, философско-исторические и этические принципы, тогда как в сфере политической они остаются умеренными консерваторами, реформистами»²⁸.

Однако далеко не все отечественные специалисты согласились с такими выводами. В частности, в исследовании Арсланова о Кавелине, выполненном в жанре интеллектуальной биографии, главный герой позиционируется в качестве одного из отцов-основателей русского либерализма, который, в свою очередь, понимается как особый инвариант классического либерализма, приспособяемого к условиям неразвитого общества в канун модернизации²⁹. К этому следует добавить и мнение авторов статей в сборнике «Российские либералы»³⁰, связывающих привлекательность либеральной идеи и ее распространение в русском обществе с творчеством Кавелина и Чичерина. В итоге дискуссия обозначила 2 основных подхода к изучению ранней стадии российского либерализма – исторический и философский.

Особенностью современной историографии русского либерализма остается «европеизация» данного феномена. Однако по мнению В.В. Шелохаева, «к русскому либерализму едва ли применима типологизация, которая используется при изучении западно-европейского либерализма», так как сам русский либерализм «не был ни классическим, ни постклассическим». Автор характеризует его как «особый тип интеллектуального либерализма, возникший и формировавшийся, прежде всего, на теоретическом уровне в неадекватной среде»³¹.

В этой связи рельефно выделяется проблема изучения национальной специфики либерализма. Очень сложно спорить с тем, что в Западной Европе либерализм опирался на богатое историческое прошлое, имел значительную социальную поддержку, долговременные и прочные политические позиции, тогда как в России вместо этого существовала лишь интеллектуальная рефлексия по поводу либеральных ценностей и кратковременный опыт партийного строительства и политической борьбы. Кроме того, в странах с «догоняющей моделью» развития либерализм неизбежно окрашивался в национальные цвета. Не случайно А.Н. Медушевский отмечал, что в современной науке продолжается полемика о том, «является ли либерализм единым и более или менее постоянным социальным явлением или дело обстоит как раз наоборот, и следует говорить о множественности проявлений либерализма для разных эпох (традиционный и новый), стадий (ранний и поздний), регионов (западноевропейский и восточноевропейский), социальных слоев (буржуазный, дворянский, чиновничий) или течений (христианский, национальный, а в последнее время даже коммунистический)»³².

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. наступило время профессиональной рефлексии по поводу имевших место острых дискуссий. Появились работы, претендующие

на осмысление накопленного опыта изучения начальной истории русского либерализма. Среди них необходимо отметить исследование С.С. Секиринского, посвященное социокультурным аспектам становления отечественной либеральной традиции. Автор обозначил в качестве стартовой линии сложного процесса формирования русского либерализма рубеж XVIII–XIX вв. и обратил внимание на ключевую проблему его генезиса в России, которая заключалась в «обретении баланса между новациями и традициями, без которого, как показал опыт первой четверти XIX в., либеральный идеал был обречен на вырождение в рационалистическую утопию, чреватую либо относительным бездействием, либо бунтарским срывом»³³. Именно это обстоятельство, по мнению Секиринского, и заставляло русских либералов накануне Великих реформ искать у верховной власти поддержки и гарантий от непредсказуемых социальных последствий, что вполне объясняет наличие монархической составляющей и дворянской апологетики в раннелиберальной концепции или «либерализме для самодержавия».

Еще одна попытка расставить акценты в изучении генезиса русского либерализма предпринята в работе известного специалиста по истории отечественной общественной мысли Шелохаева³⁴. Автор совершенно справедливо отверг произвольное и методологически необоснованное жонглирование разнообразными терминами, маркирующими ту или иную особенность развития российской либеральной мысли в XIX в. Такие дефиниции, как «самодержавный», «бюрократический», «правительственный», «соборный» абсолютно несозвучны языку интеллектуальной истории. По его мнению, начальный этап формирования либерализма связан с временем от Екатерины II и до Великих реформ 1860–1870-х гг. Вместе с тем довольно туманным остается вывод Шелохаева о результатах первого периода в развитии отечественного либерализма. Автор полагает, что дореформенному дворянскому инициативному меньшинству так и не удалось «создать ни собственную либеральную теорию, ни собственную либеральную философию». Он предлагает также обратить внимание на появление в это время слабо различимых контуров «становящегося русского либерализма как самостоятельного направления общественной мысли и общественного движения», имевшего тенденцию к превращению в «узнаваемый русский национальный вариант либерализма, который пополнил общую “семью либерализмов”»³⁵.

Очень сложно вести дискуссию в условиях употребления столь приблизительных формул применительно к истории идей. И все же специалисты, в конечном счете, должны будут ответить на вопрос о времени формирования первого национального адаптированного варианта русского либерализма, объяснив все его многочисленные особенности. Попытки сделать это не прекращаются и в настоящее время. В частности Китаев в своей новой работе, посвященной русской либеральной мысли 1860–1880-х гг., продолжил отстаивать свой тезис о появлении российского либерализма в середине XIX в.: «Зародившись как дворянский и проявивший себя таковым в подходе к развязке крепостных отношений, либерализм в пореформенный период обнаружил способность к отрыву от своей первоначальной социальной основы»³⁶. Отмечая высокую исследовательскую культуру автора и его значительный вклад в историографию отечественного либерализма XIX в., следует отнести этот труд к числу удачных попыток уйти от стереотипов российского «либераловедения».

В целом, итоги изучения ранней истории русского либерализма современными отечественными специалистами приводят скорее к мысли об отсутствии системы координат, т.е. понятного и современного методологического языка. В данном случае речь идет не о «железном» единстве во взглядах и необходимости преодолеть различия в представлениях. Ощущается потребность в обоснованных подходах к таким важнейшим проблемам, как генезис русской либеральной традиции, ее периодизация и типологизация. Предлагаемые варианты зачастую грешат излишней приверженностью либо традиционным схемам, либо тотальной «вестернизации» русской истории. Конечно, очень непросто «примирить» и свести воедино либерализм, как некую идеальную мыслительную конструкцию и как мировоззрение тех, кого чаще всего относят к отцам-основателям русского либерализма, в первую очередь Кавелина и Чичерина.

Вместе с тем следует поддержать мнение о том, что во всех своих проявлениях «либерализм – это доктрина, утверждающая свободу личности. Русский либерализм отстаивал это кредо, может, даже больше, чем западноевропейский. Для русских либералов эта проблема имела не только теоретическое, но вполне конкретное и острейшее содержание, не замечать которое после Радищева просвещенной дворянской интеллигенции было уже невозможно»³⁷.

В западной историографии интерес профессионалов к истории раннего русского либерализма возник на рубеже 1950-х и 1960-х гг., т.е. одновременно с отечественными исследователями. Трудности, с которыми столкнулись западные специалисты на начальном этапе изучения раннего русского либерализма, были созвучны проблемам современной российской историографии. К ним, например, следует отнести вопрос о времени появления русской либеральной традиции. Вплоть до середины 1980-х гг. в западной историографии продолжалась дискуссия по основополагающим сюжетам истории русского либерализма, и были сформулированы различные подходы к его изучению. Одним из первых высказался известный исследователь Д. Фишер³⁸. По его мнению русский либерализм формировался уже в пореформенный период, начиная с 1860-х гг. вплоть до первой русской революции, и содержательно не только отличался от западных классических образцов, но и принадлежал к иному типу либеральной традиции. Автор упомянул о деятельности либералов и до Великих реформ, однако фиксировал внимание лишь на их антикрепостнических настроениях и отвлеченном характере размышлений. Таким образом Фишер может считаться одним из основателей целого направления в западной историографии, фактически отрицавшего серьезность рассуждений о русском либерализме XIX в. Это направление можно определить как «скептическое».

В 1962 г. было завершено исследование американского историка Д. Хаммера, посвященное политическим воззрениям Чичерина и Кавелина³⁹, которых автор относил к числу основателей либерализма и его главных идеологов. Особое внимание Хаммер уделил либеральной рукописной литературе, которая появилась благодаря организационной и интеллектуальной деятельности его героев. По мнению исследователя, восприятие российскими либералами европейского опыта не было институциональным и не выходило за рамки идейной рецепции. Хаммер справедливо утверждал, что многие из классических либеральных ценностей, таких, как свобода личности, гражданские права, равенство перед законом, имели в России иную, отличную от западной трактовку. В частности, свободу русские либералы не противопоставляли государству и даже надеялись с его помощью избежать исторических ошибок Европы. Тем не менее уверенность Хаммера в том, что 1850-е гг. стали временем формирования русского либерализма, позволяет отнести его к «оптимистическому» направлению.

На рубеже 1960-х и 1970-х гг. началось переосмысление прежних подходов к проблеме. В полной мере это относится к содержанию сборника очерков по истории русского либерализма, опубликованного в 1972 г.⁴⁰ Вступительная часть содержит интересные размышления Ч. Тимберлэйка о концептуальной природе либерального феномена в России⁴¹. Автор обратил внимание на методологические трудности идентификации русского либерализма через его сопоставление с западноевропейским аналогом, так как очевидны значительные различия между ними. Чуть позднее один из классиков американской русистики Н. Рязановский справедливо поставил под сомнение употребление малосодержательного термина «дворянский либерализм» применительно к интеллектуальной истории России. Более того, он отказался рассматривать западников в качестве сугубо российского феномена и предложил считать их неизбежным продуктом модернизации в развивающихся общественных системах⁴². Однако, размышления автора не привели его к противопоставлению истории русского и западноевропейского либерализма.

Новым доказательством интеграционной модели изучения русского либерализма стала дискуссионная работа А. Келли⁴³, посвященная политической философии Чичерина. Исследование мировоззрения одного из самых заметных отечественных мыс-

лителей XIX в. опиралось на сопоставление его взглядов с классической либеральной теорией западноевропейского образца. Автор отнесла Чичерина к правогегельянской философской традиции и пришла к достаточно категоричным выводам. По мнению Келли, уже в конце 1850-х гг. основные концептуальные положения чичеринской программы по своим родовым признакам не принадлежали либерализму. В то же время, Келли зафиксировала 2 важных положения: она поддержала традицию европеизации интеллектуальной истории России и обратила внимание на оживление творческой активности образованной части общества в середине XIX в. Таким образом, в 1970-х гг. ранний русский либерализм так и не стал объектом специального изучения в западной историографии. Исследование либеральной традиции в России было включено в европейский контекст, а ее начальный этап ассоциировался с деятельностью либеральных западников на рубеже 1850-х и 1860-х гг. и в период Великих реформ⁴⁴.

В середине 1980-х гг. историографическая картина радикально преобразилась. Появились первые работы, посвященные истории именно раннего русского либерализма, среди которых следует отметить исследование Д. Оффорда⁴⁵. Британский специалист фактически обозначил саму проблему и предложил свою версию ее изучения. По его мнению, либерализм в России формировался в 1850-х гг. усилиями умеренных западников, участвовавших в предшествующее десятилетие в знаменитой дискуссии со славянофилами. В персональный состав «раннего либерального семейства» были включены Грановский, Боткин, Анненков, Дружинин и Кавелин, что, однако, не исключило возможности привлечь к этому кругу и других, в частности, Чичерина. Оффорд обратил внимание на ряд особенностей в мировоззрении русских либеральных мыслителей середины XIX столетия. Никто из них не принадлежал к либертарианской традиции и, в отличие от западных либералов, все они «подчеркивали активный созидательный потенциал государства» и «стремились не столько ограничить власть своего самодержца, сколько убедить его использовать данную ему власть для достижения целей, которые казались им достойными»⁴⁶. Оффорд подчеркнул и типические черты, сближавшие русских либералов с классической европейской традицией. Наибольшей популярностью у них пользовались идеи индивидуальной свободы, привлекательности западного образа жизни и буржуазных эстетических норм, а также экономической свободы. Изучение взглядов отдельных представителей русской либеральной мысли, в частности Боткина, привело автора к выводу о появлении политического либерализма с апологией политической свободы и равенства всех перед законом. Однако в значительной степени европейский либеральный опыт воспринимался умозрительно и абстрактно. Например, англоманья среди русских либералов в конце 1850-х гг. не способствовала распространению ценностей утилитаризма, а западные просветительские идеи уживались с трепетным отношением к политической стабильности. Оффорд обнаружил многочисленные противоречия в теоретических представлениях ранних русских либералов. Кавелин мог быть одновременно и сторонником уменьшения государственного вмешательства в производственную деятельность, и защитником интересов земельной аристократии. Все они восхищались достижениями европейской цивилизации и вместе с тем пытались обосновать претензии дворянства на роль ведущей общественной силы национального масштаба. Слабым местом в программе раннего русского либерализма была его политическая составляющая. В России в середине XIX в. сохранялся жесткий политический контроль, предполагавший высокую степень лояльности властям, что часто являлось главной причиной политического инфантилизма либеральных мыслителей. Кульминацией их общественного успеха стало участие в подготовительной работе и проведении Великих реформ, что, по мнению Оффорда, оказалось также и периодом наиболее эффективного интеллектуального влияния либералов в длительной исторической перспективе. Русские либеральные мыслители оставались последовательными сторонниками умеренных реформ и активными противниками распространявшихся радикальных настроений. Именно противодействие радикализму было одним из главных побудительных мотивов их апелляции к силе государства.

Работу Оффорда смело можно назвать этапной, так как впервые в западной историографии ранний русский либерализм стал объектом исследовательского интереса в качестве самостоятельного интеллектуального феномена. В последующих дискуссиях специалисты уже не ставили под сомнение этот факт и сосредоточили внимание на его особенностях. Все это говорит о доминировании «оптимистического» направления в англоязычной русистике. Прекрасной иллюстрацией подобных рассуждений может служить работа П. Рузвельт, посвященная жизни и творчеству Т.Н. Грановского⁴⁷. Автор пришла к выводу, что уже к концу «замечательного десятилетия» в первоначальном виде завершилось формирование основных течений в русской общественной мысли, которые впоследствии преобразовались в соответствующие политико-идеологические системы. Рузвельт высказала мнение о сходстве и различии классического либерализма и его русской версии. Например, либеральные мыслители середины XIX столетия в России, будучи англофилами, являлись рационалистами и предпочитали «честную игру»⁴⁸. Они делали ставку на просвещенного монарха и сильное государство, что, по мнению Рузвельт, объяснялось реалистичной оценкой ими уровня развития российского общества и влиянием традиции. Исследовательница обратила внимание на несовпадение ряда мировоззренческих позиций ранних русских либералов и европейских классиков либерального жанра за исключением, пожалуй, общего для них преклонения перед индивидуальной свободой.

Заметную роль в конце 1980-х гг. в продолжавшейся дискуссии о раннем русском либерализме сыграла работа А. Валицкого, авторитетного исследователя интеллектуальной истории России⁴⁹. Заслуживают внимания выводы, к которым автор пришел в результате изучения многообразного и сложного теоретического наследия Чичерина, отнесенного им к разряду типичных либералов. По мнению Валицкого, не следует сомневаться в приверженности Чичерина классическим идеям экономической свободы, широко распространенным в Европе. Гораздо труднее было определить политическую составляющую его либеральных взглядов, так как всем специалистам известно толерантное отношение Чичерина к самодержавной власти и сильному государству. Тем не менее Валицкий не согласился с Келли и предложил экспертам концентрировать свое внимание на ранних произведениях русского мыслителя, в которых отчетливо прослеживалась верность либеральным ценностям. Следует отметить предложение Валицкого разграничить понятия «либеральный демократ» и «либерал» применительно к анализу общественной мысли эпохи формирования русского либерализма. В середине 1850-х гг. либерализм и демократия могли даже противопоставляться друг другу, чем «грешили» авторы дискуссионных статей в журналах «Современник», «Русский вестник» или «Атеней». Большинство ранних русских либералов трактовали демократические идеи и институты как путь к диктатуре масс и считали его самой большой опасностью для будущего России. Поэтому Валицкий обоснованно считал Чичерина типичным либералом эпохи, для которого демократия скорее ассоциировалась с угрозой радикального общественного переустройства, нежели с постепенными и умеренными реформами. В целом, исследование Валицкого способствовало формированию методологических оснований изучения феномена раннего русского либерализма и тем самым определило его научную значимость.

Результатом возросшего профессионального интереса к истории русского либерализма в начале 1990-х гг. можно считать выход в свет книги Г. Гамбурга⁵⁰. По мнению автора, в середине 1850-х гг. завершился процесс формирования раннего русского либерализма, который был генетически связан и вырос из умеренного западничества. Политически появление нового интеллектуального феномена объяснялось реакцией на охранительные мероприятия Николаевской эпохи и ожиданиями части просвещенного общества в связи с началом царствования императора Александра II. Своим рождением либеральная мысль обязана деятельности столичной профессуры, а также салонам и кружкам, весьма популярным в образованной среде того времени. К первой либеральной программе Гамбург отнес рукописные работы, написанные в 1855–1856 гг. Чичериным и Кавелиным. В представлении американского исследователя это стало пово-

ротным пунктом в истории формирования либерализма, так как на смену философским абстракциям западников пришла политически ориентированная концепция с идеями освобождения крестьян и гражданскими свободами. Автор обратил внимание на размежевание раннего либерализма и социализма после 1856 г. и в качестве доказательства привел полемику Чичерина и Герцена. Именно радикальные мыслители середины XIX в. стали в России главными интерпретаторами демократических идеалов. Впервые в западной историографии Гамбург попытался объяснить идейные разногласия в среде ранних русских либералов. В соответствии с его гипотезой, уже во второй половине 1850-х гг. появились различные течения в отечественном либерализме, что вывело автора на проблему его типологии. Наряду с утопическим, пропитанным народническим содержанием либерализмом Кавелина он выделил конституционный вариант либеральной бюрократии и консервативную версию Чичерина. Таким образом, ранний русский либерализм уже в период своего рождения отличался внутренней неоднородностью и очевидным структурным разнообразием. Исследование Гамбурга продемонстрировало новые возможности в изучении начальной истории русского либерализма и несмотря на присутствие скептицизма в западной историографии существенно укрепило позиции «оптимистов».

Достигнутые западной русистикой результаты были закреплены в опубликованной в 1999 г. работе Оффорда⁵¹. Автор не только подтвердил свои выводы, сделанные в предшествующий период, но и расширил их доказательную базу. По его мнению, после Крымской войны можно говорить о расцвете либерализма в России, если под ним понимать «защиту свободы выражения, отмену или ослабление цензуры и осуществление реформы правительством в атмосфере стабильности и безопасности»⁵². Оффорд в очередной раз отметил консервативное начало в русском либерализме, проявившееся в лоббировании интересов дворянства и явных политических симпатиях к самодержавной власти. Очевидно и то, что монархизм либералов не вписывался в классические контуры европейской традиции, в которой государству отводилась весьма скромная роль. Оффорд убедительно показал бесспорные заслуги Чичерина в создании либеральной рукописной литературы, критике крепостничества, поддержке индивидуальных прав и свобод, а также правовых изменений в судебной системе. Все это было равнозначно «минимальной либеральной политической программе»⁵³.

Таким образом, с середины 1980-х гг. в западной историографии начался современный и самый плодотворный этап в изучении раннего русского либерализма. Кроме уже перечисленных авторов определенный вклад в расширение представлений о начальной истории русского либерализма внесли и те зарубежные ученые, которые в разное время создали целый ряд работ в жанре интеллектуальной биографии, посвященные основателям отечественного либерализма⁵⁴. К числу наиболее очевидных достижений западных экспертов следует отнести определение периода формирования и характера программных установок раннего русского либерализма. Однако в настоящее время популярность рассматриваемой проблемы среди западных специалистов резко снизилась.

В целом, ранний русский либерализм стал заметным историографическим явлением, которое невозможно игнорировать. Доминирующие позиции в его исследовании до сих пор принадлежат англо-американской русистике, что в значительной степени обусловлено временной форой, полученной в неблагоприятный для российских ученых советский период. Оглядываясь назад, стоит отметить интересный факт. До начала 1990-х гг. западные и советские специалисты пусть в разной степени, но все же были знакомы с работами друг друга. Это обстоятельство не сближало позиции сторон, однако не исключало возможности заочного диалога. Сейчас в российской историографии дискуссия ведется без учета всех достижений западной русистики, за исключением некоторых трудов Валицкого. В свою очередь, американские и британские коллеги не проявили еще должного интереса к полемике, развернувшейся на страницах ряда российских научных изданий в 1990-х – начале 2000-х гг.

Примечания

- ¹ Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974. С. 348; См. также: Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин). М., 1975. С. 7.
- ² Розенталь В.Н. Первое открытое выступление русских либералов в 1855–1856 гг. // История СССР. 1958. № 2. С. 114.
- ³ Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. Л., 1962. С. 43.
- ⁴ Розенталь В.Н. Идеиные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963. С. 373.
- ⁵ Сладкевич Н.Г. Указ. соч. С. 41.
- ⁶ Розенталь В.Н. Первое открытое выступление русских либералов... С. 127.
- ⁷ Сладкевич Н.Г. Указ. соч. С. 48.
- ⁸ Китаев В.А. От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972. С. 3.
- ⁹ Там же. С. 4, 136.
- ¹⁰ Там же. С. 106.
- ¹¹ Левин Ш.М. Указ. соч. С. 350.
- ¹² Там же. С. 359.
- ¹³ Там же. С. 403.
- ¹⁴ Розенталь В.Н. Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х годов XIX в. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. С. 222.
- ¹⁵ См., напр.: Овчинникова А.С. Из истории общественно-политической борьбы 1840–1860-х годов (общественно-политические взгляды К.Д. Кавелина). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1973.
- ¹⁶ Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000.
- ¹⁷ Габидулина Н.Г. Социальная философия русского либерализма первой половины XIX в. Архангельск, 2000.
- ¹⁸ Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. Ч. 1. М., 1995.
- ¹⁹ Там же. С. 42.
- ²⁰ Олейников Д.И. Западничество в России на рубеже 30–40-х годов XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 23; *его же*. Классическое российское западничество: Учебное пособие. М., 1996.
- ²¹ Либерализм в России. М., 1996.
- ²² Там же. С. 12, 214.
- ²³ Там же. С. 237.
- ²⁴ Там же. С. 368–369.
- ²⁵ Там же. С. 237–238.
- ²⁶ Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной научной конференции. М., 1999.
- ²⁷ Там же. С. 62.
- ²⁸ Либеральный консерватизм: история и современность: Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 27.
- ²⁹ Арсланов Р.А. Указ. соч. С. 105.
- ³⁰ Российские либералы: Сборник статей. М., 2001.
- ³¹ Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 36.
- ³² Медушевский А.Н. Политическая философия русского конституционализма. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1994. С. 57.
- ³³ Секиринский С.С. Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 112.
- ³⁴ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. №5. С. 3–16.
- ³⁵ Там же. С. 11.
- ³⁶ Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004. С. 357.
- ³⁷ Либерализм в России. С. 214.
- ³⁸ Fischer G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge (Mass.), 1958.

- ³⁹ *Hammer D.P.* Two Russians Liberals: The Political Thought of B.N. Chicherin and K.D. Kavelin. PhD diss. Columbia University, 1962.
- ⁴⁰ *Essays on Russian Liberalism* / Ed. by C.S. Timberlake. N.Y., 1972.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 1–17.
- ⁴² *Riasanovsky N.V.* A Parting of Ways. Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855. Oxford, 1976.
- ⁴³ *Kelly A.* «What is Real is Rational»: The Political Philosophy of B.N. Chicherin // *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*. 1977. Vol. XVIII, № 3. P. 195–222.
- ⁴⁴ *Walicki A.* A History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism. Stanford, 1979.
- ⁴⁵ *Offord D.* Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T.N. Granovsky, V.P. Botkin, P.V. Annenkov, A.V. Druzhinin and K.D. Kavelin. Cambridge, 1985.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 185–186.
- ⁴⁷ *Roosevelt P.R.* Apostle of Russian Liberalism: Timofei Granovsky. Newtonville, 1986.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. XIII.
- ⁴⁹ *Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987.
- ⁵⁰ *Hamburg G.M.* Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866. Stanford, 1992.
- ⁵¹ *Offord D.* Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy. N.Y., 1999.
- ⁵² *Ibid.* P. 50.
- ⁵³ *Ibid.* P. 53.
- ⁵⁴ См.: *Schapiro L.* Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought. New Haven, 1967; *Lichtenstein A.S.* T.N. Granovskii and the Roots of the Politics of Enlightenment, 1813–1844: A Psychohistorical Inquiry (PhD diss., Indiana University, 1971); *Field D.* Kavelin and Russian Liberalism // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32, № 1. P. 59–78; *Racheotes N.S.* T.N. Granovskii: On the Meaning of History // *Studies in Soviet Thought*. 1978. Vol. 18, № 3. P. 197–221; *Racheotes N.S.* A Moderate Among Radicals: Timofei Nikolaevich Granovskii // *Studies in Soviet Thought*. 1982. Vol. 24, № 2. P. 117–146; *Liberty, Equality and the Market. Essays by B.N. Chicherin* / Edited and Translated by G.M. Hamburg. New Haven; L., 1998.

© 2010 г. М. А. ФЕЛЬДМАН*

ИСТОРИК НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ: К 80-ЛЕТИЮ Ю.И. КИРЬЯНОВА

20 мая 2010 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного российского историка, доктора исторических наук Юрия Ильича Кирьянова (1930–2002). В 1953 г. он окончил истфак МГУ им. М.В. Ломоносова, затем в течение 5 лет был учителем средней школы, а с 1959 г. более 40 лет работал в Институте истории – Институте истории СССР АН СССР – Институте российской истории РАН, где прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника. Все, кто знали Юрия Ильича, хорошо помнят его поистине кипучую энергию, демократизм, общительность, доброжелательное отношение к людям, жизненный оптимизм, помнят его выступления на многочисленных научных конференциях по истории российского пролетариата, 6 серьезных, во многом новаторских для своего времени монографий¹ и десятки статей, огромный объем проделанной им организационной работы. Его заслуги были отмечены почетными званиями Заслуженного работника культуры Российской Федерации и Заслуженного архивиста СССР.

Юрию Ильичу выпало жить и работать в переломный для нашей страны период. Сначала были 3 последних десятилетия советской истории с последовательной смелой послесталинской «оттепелью», брежневского «застоя» и горбачевской перестройки. Именно в то время Ю.И. Кирьянов сложился как ученый, защитив в 1962 и 1980 гг. кандидатскую и докторскую диссертации по истории рабочего класса конца XIX – начала

* **Фельдман Михаил Аркадьевич**, доктор исторических наук, профессор Уральской академии государственной службы.